

С Рождеством
Христовым!

№ 1(147)

2009

АЛЕКСАНДРО-НОВСКИЙ ВЕСТНИК

РОЖДЕСТВЕНКОЕ ПОСЛАНИЕ

Епископа Барнаульского и Алтайского МАКСИМА
пастырям, монашествующим и всем чадам
Барнаульской епархии Русской Православной Церкви
Московского Патриархата

Днесь вся тварь веселится и радуется,
яко Христос родися от Девы-Отроковицы.

(припев на 9 песни канона)

Розлюбленные во Христе
досточтимые отцы, честные
иноки и инокини, боголюбивые
миряне!

В нынешний великий день воспоминает Святая Церковь таинственное и непостижимое событие, перед которым все другие события в истории мира совершенно незначительны, — Рождество Предвечного Сына Божия в человеческой плоти от Пресвятой и Преподобной Девы Марии. Вертеп, в котором произошло это глубокое таинство, стал поистине Небом, ибо в нем явился Бог. Малые ясли, из которых кормились животные, вместили Невместимого всей Вселенной Бога. А ныне видим Предвечного Сына Божия почивающим на лоне и на руках Своей Пречистой Приснодевственной земной Матери, Которая теперь поистине именуется Престолом Херувимским. Падем же ниц пред вифлеемским вертепом, в котором благоволил явиться миру в самой убогой обстановке Царь Небесный в образе Богочеловека. Нам непостижимо такое безмерное смирение и презрение ко всякой мирской славе ныне родившегося Господа Иисуса Христа.

В ожидании праздника сердце человека переполнено торжественной радостью, так что в нем уже нет места для обыденных земных забот. Вселенная и звезды, люди на земле и ангелы на Небе величают и воспевают сегодня Рождество Господа

нашего Иисуса Христа, принесшего нам надежду на спасение.

Более двух тысяч лет назад, с рождением Богомладенца, для человечества началась новая эра — христианство. Христос послан Отцом Небесным и слова Его суть слова Пославшего Его. Божественный Учитель хочет привлечь Своих ближе к Себе, вдохнуть в них решимость следовать Ему и учению Его, ибо в этом их жизнь и спасение. В ту меру, в какую последовавшие уверуют в Него, поймут, что в Нем средоточие их жизни, все остальное представится им второстепенным и легко переносимым. По мере того как человек, через Христа открыв в Боге своего Отца, будет заботиться о вхождении в Царствие Его, начнет открываться ему иное бытие в той же жизни, возникнет новый порядок вещей, в котором «все содействует ко благу» (Рим. 8, 28). Жизнь учеников будет преисполнена опасностей, преследований и лишений. Но пусть они помнят, что и «волосы на голове их сочтены», то есть, что существует Промысел Божий о них, и тогда они не будут бояться даже «убивающих тело», ибо души их будут в безопасности, охраненные верою во Христа и, следовательно, уже имеющие в себе жизнь вечную. Господь хочет освободить людей от земных привязанностей. По примеру Господа Иисуса Христа церковное Предание отказывается «делить» между людьми, то есть выработать и установить принцип справедливого распределения земных благ.

Церковь все возводит к одному

наивысшему «принципу» — любви, и от него все производит. Совершенная Любовь — Святая Троица. Людям, созданным по образу и подобию Божию, задано уподобление Ей, по отношению друг ко другу, в единении в любви. Каждая личность раскрывает и утверждает себя через отношение к другим. Св. Иоанн Златоуст, который очень много говорил о богатых и бедных, очень не любил «холодных» слов «мое», «твое». «В то время, когда Бог отовсюду собирает нас, замечает Златоуст, мы стараемся отделиться друг от друга, стараемся присвоить себе те или иные вещи, произносятся слова «мое», «твое» (Том. 12). Эти жестокие, холодные слова «мое», «твое» и производят бесчисленные войны во Вселенной». «Все богатства приобретены неправедно или суть наследие несправедливости».

Св. Василий Великий добавляет: «чем больше изобилие твоих богатств, тем больше твой недостаток любви» (Том. 7). В стремлении к собственности — источник неравенства. Можно сказать, что св. Иоанн Златоуст и другие отцы решительно высказываются за «обобществление» имущества, но их призывы обращены к свободной воле владеющих. Отказ от своего и раздача своего другим должно быть выражением любящего самоотречения. Цель христианского обобществления нравственная, а не социальная. Оно должно быть следствием высокого состояния души, плодом живущего любовью сердца. Царица христианских добродетелей — любовь.

Можно раздать все имения и не иметь любви (1 Кор. 13). Бедность сама по себе не приближает ни к любви, ни к святости, в особенности если она завистлива и недобровольна. Учителя Церкви не дают решения этого вечного в жизни мира вопроса. Они не устанавливают никакой нормы, ибо любовь, а значит и христианство, не нормативны. Они лишь указывают направление в сторону беспредельного христианского милосердия. Любовь, которая «не ищет своего», должна научить христианина довольствоваться немногим, самоограничивая себя, утесняя себя во всем, и в то же время никогда не оставаться безучастным к бедности, несчастью и «тесноте» других. Легко возразить на все это: одними призывами к добродетели и милосердию нужды не уничтожишь, человека не изменишь. Увы, по слову Господа, «нищих всегда имеете с собою» (Ин. 12, 8)... и значит, корыстолюбцев тоже. Но и все многочисленные в истории принудительные попытки водворения справедливости не преобразили человека и мир, не содействовали умножению любви. Только любовью побеждается вражда и ненависть. Только она еще сдерживает страшные силы, стремящиеся к взаимострелению.

Царство совершенной любви — Царство будущего века. Но сильное устремление и приближение к нему еще здесь, в земных условиях, и есть путь истинной жизни и крестоношения. «Христиане ни местопребыванием, ни языком, ни обычаями не отличаются от прочих людей, живя в разных государствах и городах, как кому пришлось; во внешних приемах, в одежде, в обхождении и прочем образе жизни они ведут себя как и все, но вместе с тем обнаруживают чудное и поистине удивительное устройство своего общества... Они живут во плоти, но не по плоти;

находясь на земле, они тем не менее состоят гражданами небесными. Они повинуются установленным законам и своею жизнью стоят выше этих законов. Они любят всех и от всех терпят преследование. Их не знают, но осуждают; их умерщвляют, но они живы. Они бедны, но многих обогащают... они всего лишаются, и всем изобилуют... их проклинают и они благословляют... Душа обитает в теле, но не телесна; так и христиане, живут в мире, но не принадлежат к миру» (из «Послания к Диогету», памятника II-III века).

Наступающий год — год ряда важных юбилеев в нашей Епархии. Мы будем отмечать 150-летие Храма Знаменской иконы Божией Матери, на территории которого размещалась женская обитель. Здесь совершал свое исповедническое служение архиепископ Иаков Барнаульский, канонизированный в лике новомучеников Российских. По нашему благословию уже завершается возведение нового келейного корпуса, и начинаются работы по восстановлению куполов и колокольни Знаменского храма. Мы молимся, чтобы Господь благословил это начинание и уже в скором будущем золотые купола вновь засияют над этим Божьим Храмом.

В предстоящем году нам предстоит отмечать 140-летие со дня основания первого духовного учебного заведения на Алтае — Барнаульского Духовного Училища, по решению Священного Синода преобразованного в 2006 г. в Семинарию. Дай Бог, чтобы больше и больше было молодых людей, готовых посвятить себя подвигу служения в Церкви,

чтобы стены духовных школ все более пополнялись воспитанниками. Отрадным явлением upcoming года является открытие при Духовной Семинарии пансионата для детей школьного возраста. Верим и надеемся, что жизнь в стенах

духовной школы благотворно скажется на детских душах.

В эти светлые рождественские дни я желаю вам, дорогие отцы, братья и сестры, мира и любви от Господа нашего Иисуса Христа. Желаю, чтобы мир Божий неотступно пребывал в ваших семьях и ваших душах. Будем едино-

мысленно пребывать в молитвах и благодарениях Богу, посещая наши храмы и оказывая посильную помощь тем нашим братьям и сестрам, кто попал в беду или нуждается в нашей поддержке, в нашем терпении.

Когда-то древние мудрецы с Востока, как повествует нам евангелист Матфей, «...войдя в Вифлеемскую пещеру, увидели Младенца с Мариєю, Матерью Его, и пав, поклонились Ему; и открыв сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну» (Мф. 2, 11). А мы, возлюбленные братья и сестры, духовными очами узрев величие Рождества Господня, принесем Ему в дар мир, милость и любовь своих сердец!

«Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человецех благоволение!».

+ Максим

**МАКСИМ,
ЕПИСКОП БАРНАУЛЬСКИЙ
И АЛТАЙСКИЙ, РЕКТОР
БАРНАУЛЬСКОЙ
ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ**
Рождество Христово
2008/2009 год
град Барнаул

БОЖИИ ЛЮДИ

Митрополит Вениамин (Федченков)

В ожидании Рождества Христова В негоже и думать о себе

Владыка Вениамин — один из известнейших церковных писателей XX века, духовник Белого движения, после революции оказавшийся в вынужденной эмиграции, в 1947 году возвратившийся в Россию, автор прекрасных книг по богословию, вдохновенных проповедей, мемуаров, наполненных глубокими размышлениями. Владыка всю жизнь записывал свои мысли по разным вопросам церковной и общественной жизни. «У Владыки Вениамина было одно потрясающее свойство, — пишет в своих воспоминаниях митрополит Антоний Сурожский, — Когда он принимал участие в службе, даже не служа, он как-то поднимал службу, и она от земли возвышалась к небу. Я помню, как Владыка Вениамин стоял на службе, и от того служба делалась цельной и возносилась.»

Перед вами — размышления митрополита Вениамина о празднике Рождества Христова, тихое собеседование с духовно опытным человеком.

НОВОЕ ОБЛАЧЕНИЕ

Со вчерашнего вечера началось предпразднство Рождества Христова...

Но Церковь давно уже стала понемногу напоминать о грядущем празднике: не только с катавасии Введения «Христос рождается», но и в дневных, и в канонах Минеи.

Как вода где-нибудь незаметно начинает просачиваться, так и в богослужении еще задолго до праздника слышатся уже звоны рождественских славословий.

Но со вчерашнего вечера остается уже совсем обычный, будничной Октоих (до отдания Богоявления), и поется только праздничная Минея. И вчера я с приятным чувством отрады взял закрытую книгу Октоиха и с каким-то торжеством «спрятал» ее на нижнюю полку клиросного аналоя: больше пока ты не нужна уже. И почувствовал я, будто со вчерашнего вечера Церковь, готовясь к празднику, сняла с себя обычную будничную рабочую, старую одежду, уже запачканную, запыленную, с пятнами, — и надела ныне новенькое чистое платье... Правда, еще не самое торжественное, не разукрашенное драгоценными камнями праздничное облачение, но уже и не будничное платье. Покаянные молитвы Октоиха, сокрушение о грехах и страстях наших постоянных будут заменяться светлыми тонами начавшегося

уже торжества. Церковь точно принарядилась к встрече! В сердце зажегся свет радости!

«Переодевается» и душа... Я заметил ныне за собою следующее. Хотел, было, читать акафист «Всех скорбящих радости», но, когда уже надевал епитрахиль, вдруг почувствовал неохоту, или трудность читать его. Подумалось о «скорбящих». Да разве ныне, когда уже начался праздник Боговоплощения, можно думать о каких-то скорбях? Неудобно несколько. Не хочется. А главное, я ощутил, что это и не богоугодно. Этим я огорчил бы Самого Бога, Кому хочу молиться. Ведь ныне нужно Его и Матерь Его уже славить, а мы все со своими скорбями. Неужели мало нам дней в году, чтобы только и делать, что жаловаться да плакать, да просить? А когда же прославить, когда поблагодарить, когда радоваться? Хоть бы праздники этим отличить и почтить. Для того ведь они и «праздники», то есть радостные, торжествующие дни.

И вспомнилось мне одно евангельское событие. Подошли к Иисусу Христу книжники и фарисеи и стали роптать и говорить ученикам Его (Ему-то Самому не дерзнули, эти лицемерные и опустошенные души!):

— Как это Он и вы едите и пьете с мытарями и грешниками?

(Будто они-то сами святы были? Были бы святы, жалели бы и любили кающихся грешников как и

Он). А Иисус Христос понял, что этот вопрос относится к Нему и ответил: не здоровые имеют нужду во врачах, но больные: Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию (Мк. 2, 16-17. Лк. 5, 30-31).

Так вот и теперь: все-то мы — мытари и грешники. Но «Он» по праздникам благоволяет с нами разделять Свою духовную трапезу. Ныне, в праздник спасения погибавшего мира, Он особенно близок к кающимся даже не грешникам. Ныне Он особенно Друг грешников (Мф. 11, 19). И требует от нас горького сокращения, мук и скорбей о грехах. Ныне Он Сам все дает: пришел в гости Великий... И мы, «маленькие» радуемся. Не знаем: куда и посадить Его? Чем бы угостить? Позабыли про свою нищету и греховность. «Гость» Высокий почтил нас — и мы теперь не прежние маленькие люди, а точно выросли, облагородились. И хочется хвалиться этим счастьем и поделиться радостью с другими.

Всему — время и место. Ныне наступает время радоваться. И я вместо «Всех Скорбящих» прочитал обычный, радостно-хвалебный Благовещенский акафист: «Ангел Предстатель послан бысть рещи Богородице радуйся, Еюже радость возсияет» Скорбь ныне неблагоприятна!

Даже и о грехах неблагоприятно стало думать. Пришел Спаситель от грехов. Пришло прощение. Явилось примирение. Нужно радоваться сем.

Уповать. Благодарить. Славословить. Для покаяния же будет другое время. И душа моя пожелала вместе с Церковью переоблачиться в светлое.

ДОВОЛЬНО О СЕБЕ

А затем встал и другой ряд чувств. Я ощутил, что ныне — хотя бы ныне, в эти великие праздники, — неприлично, не подобает даже думать о себе. Вообще, ни о чем «своём» не нужно заботиться. Довольно других дней — все «о себе». А теперь нужно отдаться всецело — чувствам «о Нем», о Боге, о Спасителе: пришел Царь Неба и земли; и к Нему нужно устремиться всецело, позабыв себя. Ныне Царь царей, Царь-Творец мира явился. Забудем же себя для Него. Хоть бы на эти «святые» дни, Ему «посвященные», — святки.

НА ВСЕНОЩНОЙ

Это будет лучшее празднование. Это — истинное богопочитание, приличествующее Рождеству. Смотрите: пастухи по слову Ангелов пришли, узрели Богомладенца — и возвратились, славя и хваля

Бога за все то, что слышали и видели (Лк. 2, 20). Волхвы, падши, поклонились Христу (Мф. 2, 11). А Ангелы пели славословие: слава в вышних Богу и на земли мир, и радовались за нас в человецех благоволение (Лк. 2, 13 — 14).

К их лику и мы должны примкнуть. И уж во всяком случае нельзя расстраивать хода их и Церкви... Вообще лучше идти за Церковью: а она уже стала славословить Спасителя, забыв себя. Слава в вышних Богу!

«НЕ БОЙТЕСЬ!»

Али уж и думать о себе, о своей духовной жизни, то опять — во славу Божию: то есть о том, как лучше подготовить себя к достойному прославлению Господа на праздниках и к неомрачаемому радости. И только! Для этого хорошо и попроститься, и исповедаться... Но и это все не так, как в другие дни или в пост, — а с большей надеждой на Спасителя, с большим миром в душе. Пред восходящим Солнцем-Христом наш душевный туман как-то незаметно тает сам, пришла радость. Точно и нас коснулся голос Ангела:

— Не бойтесь! Я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям; ибо ныне родился вам (следовательно, и нам) Спаситель, Христос Господь! (Лк. 2, 10 — 11). Не бойтесь же! И это было (и есть, слава Богу) в душе моей. Даже другие почувствовали. Один монах, глядя на меня, улыбаясь спросил, почему такое настроение у меня, тогда как в иные дни нередко лоб нахмурен.

— Предпразднство началось! — ответил я с сдержанной тихой радостью.

О «милости» же не будем беспокоиться: Он прежде прошения нашего знает нужды наши (Мф. 6, 8, 32) и исполнит их. И чем меньше мы будем думать о себе, а больше — о Нем, тем больше получим. Ибо — это есть и большая любовь к Нему, когда мы меньше думаем о себе. Больше веры в Него, в Его Промысл! Это ли не угодно Ему?

«В день рождения своего царь (земной) бывает щедр и раздаёт весьма много милостей» — говорит святой Амвросий Медиоланский. Конечно, и Господь, не для Себя пришедший, а для людей, — готов всегда исполнять их просьбы (душеполезные, разумеется). Он Сам сказал: Сын человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили; но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих (Мф. 20, 28). Он и сейчас «служит» нам... Подумаем! Бог служит нам! Сие — Его слово: не оставлю вас сиротами (Ин. 14, 18).

Письма

о двенадесятих праздниках

ЛЕСТВИЦА

ПРЕПОДОБНЫЙ
МАКСИМ ИСПОВЕДНИК

Главы о любви

Верующий Господу боится адских мук. Страшающийся мук воздерживается от страстей. Воздерживающийся от страстей терпеливо переносит скорби. Претерпевающий скорби возымеет упование на Бога. Упование на Бога отрешает ум от всякого земного пристрастия. Отрешенный от сего ум возымеет любовь к Богу.

Видящий в сердце своем след ненависти к какому-либо человеку, за какое либо падение, совершенно чужд любви к Богу. Ибо любовь к Богу никак не терпит ненависти к человеку.

Блажен человек, который всякого равно любить может.

Когда ты оскорблен кем-нибудь, или в чем уничижен; берегись помыслов гнева, дабы они, по причине этого оскорбления отлучив тебя от любви, не переселили в область ненависти.

Когда тяжело тебе от укоризны или бесчестия: то знай, что ты великую получил от того пользу, ибо через уничижение промыслительно изгнано из тебя тщеславие.

Если желаешь не отпасть от любви Божественной; то ни брата своего не допусти уснуть в огорчении на тебя, ни сам не усни в огорчении на него: но иди, примирился с братом твоим, и, возвратясь (Матф. 5, 24) с чистой совестью, принеси Христу дар любви в прилежной молитве.

Преподобный Максим Исповедник родился в Константинополе около 580 года и вырос в благочестивой христианской семье. В юности он получил разностороннее образование: изучил философию, грамматику, риторику, был начитан в древних авторах и в совершенстве владел Богословской диалектикой. Когда преподобный Максим поступил на государственную службу, знания и добросовестность позволили ему стать первым секретарем императора Ираклия (611 - 641). Но придворная жизнь тяготила его, и он удалился в Хризопольскую обитель вблизи Халкидона, где принял иноческий постриг. Своим смиренномудрием он вскоре приобрел любовь братии и был избран игуменом монастыря, но и в этом сане, по своей необыкновенной скромности, он, по собственным его словам, "оставался простым монахом".

Преподобный отстаивал Православие от ереси монофелитов. За свое исповедание был дважды осужден в Константинополе, на второй раз подвергнут пыткам, во время которых ему отрезали язык и руку. Скончался Исповедник в темнице на Кавказе (Мингрелия).

О жизни преподобного Максима сохранилось много сказаний. Очень скоро после его смерти было составлено его житие или похвальное слово. На месте кончины преподобного, на Кавказе, о нем сохранилась живая и благоговейная память. Три огонька появляются в день памяти Максима на его могиле, напоминая нам, что он и по сей день является светильником Православия. По его молитвам произошло множество исцелений. Книги святого — любимое чтение и мирян, и монахов.

Если любовь есть исполнение закона (Рим. 13, 10): то памятозlobствующий на брата, уготовляющий ковы ему, проклинающий его, и радующийся падению его, не есть ли законопреступник, и не достоин ли вечной муки?

Смирение и злострадание (телесные лишения) освобождают человека от всякого греха; потому что то отсекает страсти душевные, а это — телесные.

Как птица, привязанная за ногу, начавши подниматься вверх, стягивается опять на землю, влекомая за вервь так ум, не достигши еще бесстрастия, хотя и воспаряет к познанию небесных вещей, но влекомый страстями, стягивается опять на землю.

Кто мать страстей — самолюбие — отвергнет, тот, при помощи Божией, удобно отложит и все другие страсти, как-то: гнев, печаль, злопамятство, и прочая. Кто же одержим первым: тот, хотя бы не хотел, уязвляется и последними. Самолюбие же есть страстная любовь к телу.

Человеки похвально или предосудительно любят друг друга по следующим пяти причинам: или для Бога, — как добродетельный любит всех, а добродетельного любит даже и недобродетельный; или по естеству, — как родители любят детей, или по тщеславию, — как хвалимый хвалящего; или из корысти, как богатого за получки; или по сластолюбию, — как работающий чреву, и тому, что под чревом, устрояющего пиры. Первая из сих

похвальна, вторая обоудна, прочие страстны.

За воздержание награда — бесстрастие; за веру — ведение. Бесстрастие рождает рассудительность, а ведение — любовь к Богу.

Три начала побуждают нас к добру: семена добра в нас от природы, святые Силы, и доброе произволение. Семена природы, — когда, например, как желаем, чтобы с нами поступали люди, так и мы поступаем с ними; или когда видим человека в тесноте и нужде, и естественно милосердуем о нем. Святые Силы, когда, чувствуя побуждение к доброду делу, обретаем в себе благое содействие, и успеваем. Наконец доброе произволение, когда, отличая добро от зла, избираем доброе.

Три же есть начала, побуждающих нас к злу: страсти, демоны и злое произволение. Страсти, когда желаем чего безрассудно; как-то, или пищи не во время и без нужды, или жены без намерения деторождения и незаконной; также, когда гневаемся или огорчаемся на кого не должно, как-то на бесчестившего, или вред нам причинившего. Демоны: когда они, во время вознраждения нашего, усмотрев удобное время, внезапно налегают на нас, и с великою силою возбуждают вышесказанные страсти и подобные им. Наконец, злое произволение; когда, зная добро, избираем зло.

Между человеческими действиями многие добры сами по себе, но бывают недобрыми по какой-либо причине. Например, — пост и бдение, молитва и псалмопение, милостыня и страннопримство сами по себе суть дела добрые; но когда делаются из тщеславия, тогда они уже не добры.

Почти всякий грех бывает ради наслаждения, и потому истребляется через страдание и печаль, вольные или невольные, а также по действию покаяния, или по действию беды какой, смотрительно Божиим о нас Промыслом наводимой. “Если бы мы судили сами себя, — говорит Писание, — то не были бы судимы; будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром” (1 Кор. 11. 31, 32).

Если придет на тебя нечаянное искушение, не вини того, чрез кого оно пришло, а ищи, для чего оно пришло; и обретешь исправление.

Благоразумный, помышляя о врачевности судеб Божиих, с благодарением сносит приключаящиеся ему по ним бедствия, никого другого не почитая виновным в них, кроме грехов своих, а неразумный, когда грешит и наказываем за то бывает, виновниками зол своих почитает или Бога, или людей, не уразумевая премудрого о сем Божия промышления.

Берегись матери зол, самолюбия, которое есть неразумная любовь к телу. Ибо от него, с кажущееся разумностью рождаются три первых, главных, страстных и неистовых помысла, а именно: чревоугодие,

сребролюбие и тщеславие, опирающиеся на необходимые потребности тела. А от них рождается все племя страстей. Вот почему и надлежит, как сказано, весьма остерегаться самолюбия и противоборствовать ему с великою бдительностью. Ибо с истреблением его истребляются и все его порождения.

Великое дело не быть пристрастным к вещам, но гораздо еще более великое — оставаться бесстрастным в мыслях о них.

Мир имеет много нищих духом, но не так как должно; много плачущих, но или об утрате имени, или о потере детей; много кротких, но в отношении к нечистым страстям; много алчущих и жаждущих, но того, чтобы похищать чужое несправедливо и несправедливо обогатиться; много милостивых, но к телу и телесному; много чистых сердцем, но по тщеславию; и миротворцев, но подчиняющих душу плоти; много изгоняемых, но за свое беспутство; много поносимых, но за постыдные грехи. Блаженны же одни те, которые и действуют и страдают за Христа и о Христе. Почему? яко тех есть Царствие небесное; и: яко тии Бога узрят (Матф. 5, 3. 8). Не потому они блаженны, что так действуют и страдают, ибо и выше сказанные тоже делают; но потому что действуют и страдают ради Христа и о Христе.

Начало всех страстей есть самолюбие, а конец гордость. Самолюбие есть безрассудное любление тела. Отсекший его отсекает и все страсти, кои из него.

Как родители пристрастны бывают к тем, кто родились от них, так и ум естественно привержен к своим мыслям, и как наиболее пристрастным из родителей свои дети кажутся более всех скромными и благообразными, хотя бы они по всему более всех посмеяния были достойны: так неразумному уму свои мысли кажутся более всех разумными, хотя бы более всех были нелепы. Мудрому же не кажутся такими свои мысли: но когда даже удостоверение имеет он, что они истинны и добры, и тогда тем больше не доверяет своему суду, а других мудрых поставляет судьями своих мыслей и рассуждений, не напрасно ли он подвизается или подвизался (Гал. 2, 2); и от них получает подтверждение.

Страсть сребролюбия обличается тем, что одержимый ею принимает всегда с радостью, а отдает с печалью.

Одно дело — избавиться от помыслов, а другое — освободиться от страстей. Часто избавляются от помыслов, когда нет на глазах тех предметов, к которым страсть кто имел: но страсти между тем скрываются в душе, и при появлении предметов обличаются. И потому должно наблюдать за умом, когда вещи наличествуют, и узнавать, к чему он имеет страсть.

Старайся, сколько можешь, любить всякого человека. Если же сего еще не можешь, то по крайней мере не ненавидь никого. Но и сего не в состоянии будешь сделать, если не презришь всего земного.

ДОРОГА К ХРАМУ

Думаю, что тема крещения детей напрямую связана с темой христианского воспитания подрастающего поколения. Немного расскажу о том, почему мы крестим детей и что дает им это Таинство.

Когда я вижу толпу молодых родителей и крестных, которые идут к домику, где у нас проводятся беседы с крещаемыми, мое сердце, к сожалению, не подпрыгивает от радости. Скорее наоборот. Потому что я знаю, что предстоит не очень приятный разговор. Я священник молодой, но все же крестил уже немало народу. Так вот, могу вспомнить только пару случаев, когда восприемники знали наизусть Символ веры. Я сначала относил это к моей молодости, но потом узнал у одного пожилого батюшки, который полвека служит в сане, что он тоже лишь несколько раз слышал молитву «Верую» от крестных (не считая, конечно, случаев, когда крестил детей своих постоянных прихожан). Воистину Русь крещена, но не просвещена. Вообще знания многих восприемников о том, кто такие крестные, ограничиваются, видимо, просмотром гангстерского фильма «Крестный отец». Многие не имеют даже крестов на груди. Немало таких, которые не знают, что такое исповедь и причастие. Ну ладно, они не читали Евангелие и духовную литературу, но хоть какие-то книжки или хотя бы фильмы, где священник принимает исповедь, они должны знать?

Все, что я сказал про крестных, можно отнести и к родителям. Уровень их познаний ничуть не выше. И вообще, на всем их поведении лежит какая-то печать несерьезности, неуместного веселья. Неоднократно сталкивался с тем, что родители или крестные заранее начинали «отмечать» событие. От них уже пахло, и язык не всегда слушался их. Видно, что такие родители и восприемники явно не намерены воспитывать малыша в вере и благочестии, но почему-то обязательно хотят крестить своих детей.

Мы прекрасно понимаем, в чем неправда протестантов, отказывающихся крестить младенцев. Если я церковный человек, живу жизнью Церкви, то, конечно, и мой ребенок должен ею жить, причащаться с нами от одной чаши, молиться в храме. Если мы болеем за детей, то как не поминать их на литургии? А некрещеных поминать нельзя. Но многие люди об этом и не думают. Им главное — крестить, отметиться.

Справедливости ради скажу, что людей серьезных (правда, непросвещенных) тоже много. Вот к ним-то в первую очередь и обращаюсь я во время огласительных бесед. Приведу (в сокращении) беседу, которую провожу с родителями и крестными.

Первый вопрос, который я обычно задаю: «Для чего вы принимаете крещение?» (Заранее говорю, что это не экзамен, прошу сказать своими словами.) Ответы бывают самые разные: 1) мы русские, значит, должны креститься; 2) чтобы не болеть; 3) чтобы была удача в жизни.

Объясняю, что крещение не делает нас более русскими, оно дано всем народам, в Церкви «нет ни еллина, ни иудея», очень многие страны приняли христианство, когда Русь была еще языческой.

Крещение также не делает нас здоровыми и счастливыми, ибо относится к области духовной, а не материальной: мы крестимся, чтобы спасти душу, а не для того, чтобы поправить здоровье.

Вопрос о намерениях перед крещением далеко не праздный. В Питере в 90-е годы произошел очень неприятный случай. Одно человека экстрасенсы послали принять крещение в десяти храмах, чтобы исцелиться. И ни в одном (!) храме его не спросили, зачем он крестится. Ко мне как-то пришла женщина

с сыном-наркоманом и откровенно сказала, что их прислала целительница поисповедоваться и причаститься.

Потом я выясняю степень церковности родителей и восприемников. Говорю об обязательности исповеди и причастия для каждого православного. Ведь христианином нас делает не ношение креста, а участие в Таинствах Церкви. Семья — это малая Церковь, где все должно быть едино. Если мы желаем спасения детям, то сами должны спастись вместе с ними, идти по этому пути к Богу.

Говорю о крестных. Они не почетные свидетели, которые стоят с ленточками на свадьбе. Они духовные наставники, руководители крестников. Нельзя научить человека тому, чего сам не знаешь. Следовательно, нужно побольше узнать самим. Восприемники — это те, кто за малолетством детей дают за них обеты святого крещения, то есть ручаются головой, что приложат все усилия, чтобы ребенок вырос в вере, не ушел потом из Церкви. Если мы обещаем что-то, то должны выполнять, а тут даем обеты Самому Богу, перед крестом и Евангелием.

КРЕСТИНЫ

Таинство Крещения является одним из 7 Таинств Православной Церкви. Это одно из наиболее древних Таинств, символизирующее духовное перерождение человека, рождение его в новую жизнь. Крещение — первое Таинство, которым Церковь встречает приходящих к Богу людей.

Однако, к сожалению, среди приступающих к этому таинству бывает и крайне поверхностное отношение к крещению — порой крестят детей ради “оберега”, “защиты”, и “на всякий случай”.

И снова — самое главное. Для чего мы принимаем крещение? Человек двусоставен, он состоит из души и тела. Душа нуждается в гораздо большей заботе, чем тело. О теле мы никогда не забываем, а вот о душе можем не вспоминать годами. Мы принимаем крещение, чтобы спасти душу, стать детьми Божиими, восстановить утерянную связь с Богом.

Крещение называют вторым рождением. Я спрашиваю матерей: «Когда вы родите младенцев, что вы делаете сразу после того, как вам принесут ребенка?» Отвечают: «Прикладываем к груди, кормим». Вот видите, мы питаем его. После крещения человек также нуждается в духовном питании — Таинстве причастия, молитве. Крещение — это только самое начало пути. Человека мало родить, его надо вырастить, воспитать, выучить. Также и в духовной жизни. Крещение не спасает нас автоматически, без наших усилий. Оно делает нас чадами Божиими и чадами Церкви, которую основал Бог. А значит, мы должны пользоваться всеми теми благодатными дарами, которые в Церкви есть: Евхаристия, исповедь, другие Таинства, через них нам подается благодать Божия.

Если человек крестился и продолжает жить, как жил, он подобен тому безумцу, который купил билет на поезд, а сам ехать не собирается. Или поступил в вуз, а учиться не хочет. Некоторых людей два раза в жизни приносят в храм: один раз — на крестины, второй — на отпевание. Это страшно.

Крещение — великое Таинство, но без нашей веры оно не имеет действия. Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, — осужден будет (Мк 16, 16). Но и вера, как известно, без дел мертва (Иак 2, 20). А дела веры — жизнь по заповедям, молитва, добрые дела. В Евангелии говорится о том, что когда демон выходит из человека, он бродит по пустынным местам и, не найдя пристанища, возвращается и видит дом свой (то есть душу человеческую) выметенным, пустым и приводит с собой семь других бесов. И бывает последнее горше первого. Святитель Иоанн Златоуст относит эти слова и к Таинству крещения. Когда крещение совершено, но никакой духовной работы не ведется, тогда духовный вакуум заполняется духами злобы. Есть закон: духовная жизнь не терпит пустоты. Если мы не занимаемся духовным воспитанием ребенка, душу занимает иная духовность. При нынешнем разгуле сект и оккультизма это особенно опасно.

Если я замечаю смешки во время отречения от сатаны (когда дуют и плюют), то сурово пресекаю веселье. Дьявол — не сказки, это реальность. Он не будет сидеть сложа руки, видя, как человек спасается, он постарается отомстить. Но для этого нам и дается великое оружие: крещение и крест Господень. На нем написано: «Спаси и сохрани», и снимать его нельзя. Тот человек, который носит крест, молится и приступает к Таинствам, не должен бояться дьявола.

Духовное воспитание — это прививка против зла, которое царит в мире, иммунитет против него.

Без веры в Бога невозможно уберечь детей от соблазнов. Воспитав ребенка в заповедях, вы закладываете фундамент всей его жизни. Думаю, каждый отец, каждая мать хочет, чтобы дети любили их, были им опорой, а об этом говорит пятая заповедь: Почитай отца и мать... (Мф 19, 19). Заповеди нужно знать и рассказывать про них детям.

Да, путь духовной жизни сложен, но идти по нему нужно, нужно делать первые шаги, потом будет легче. Это единственный путь спасти наших чад и поднять нашу страну. Без возрождения душ человеческих, наших с вами душ, Россия никогда не возродится.

Из книги священника Павла Гумерова
«Малая Церковь»

ПАМЯТКА ПРИХОДЯЩЕМУ КО КРЕЩЕНИЮ

Главным действием Крещения является трехкратное погружение крещаемого в воду, что символизирует собой трехдневное пребывание Христа во гробе, после которого совершилось Воскресение.

Каждый крещаемый повторяет путь Христа: умирает, чтобы затем воскреснуть. Умирает для греховной жизни и сатаны и воскресает, чтобы начать жизнь с Богом. Все его естество при этом обновляется. Ему оставляются все его грехи, которые он совершил до Крещения.

Если крестится младенец, то у него должны быть крестные родители, в обязанности которых входит христианское воспитание своих крестников. За них они дадут строгий ответ на суде Божиим. Тот, кто согласился стать крестным, должен осознать, что он принимает на себя огромную ответственность за ребенка, которого крестит, и если будет нерадиво исполнять свои обязанности, то будет строго наказан.

Человек, принявший Крещение, должен помнить, что его христианская жизнь только начинается, что он отрекся от сатаны и сошелся со Христом.

Крещение обязывает человека к борьбе с самим собой: со своими страстями, дурными наклонностями.

Еще одним важнейшим условием духовной жизни является молитва. Человек, принявший Крещение, обязывается к молитве.

Кроме того, он должен всегда помнить, что отрекся от сатаны и пообещал не участвовать в его делах. Поэтому преступает эту клятву, данную Богу, тот, кто после Крещения начинает ходить ко всякого рода «экстрасенсам», «заклинателям», «народным целителям» и т.д. Таким образом он опять вступает в союз с сатаной и отказывается от союза с Христом, отрицаясь своего Крещения.

Человек должен оставаться верным Православной Церкви и не участвовать в собраниях баптистов, иеговистов и прочих сектантов. Смертельный грех совершают те, которые повторно принимают «крещение» у баптистов.

Сельма Оттилия Ловиса Лагерлёф
(1858—1940)

КОЛОДЕЦ МУДРЕЦОВ

Стояло лето. По Древней Иудее, по завядшим кустам терновника и по желтой от зноя траве ходила Засуха, угрюмая, с ввалившимися

глазами.

Солнце обжигало горы, лишенные тени; малейший ветерок поднимал с земли густые облака известковой пыли; стада толпились в долинах у иссякших ручьев.

Засуха ходила и осматривала запасы воды. Она направилась к прудам Соломона и с досадой увидела, что еще много воды заключают они в своих скалистых берегах. Затем она спустилась к знаменитому колодцу Давида, близ Вифлеема, и там тоже нашла еще воду. Оттуда она медленно поплелась по большой проезжей дороге, ведущей из Вифлеема в Иерусалим.

Пройдя около половины пути, она увидела Колодец Мудрецов, вырытый у самого края дороги, и тотчас же заметила, что он вот вот иссякнет. Засуха присела на сруб колодца, состоящий из одного цельного, большого, выдолбленного камня, и заглянула в его глубину. Светлое водное зеркало, обыкновенно видневшееся близ самого отверстия, опустилось глубоко вниз, и тина и ил со дна загрозили и замутили его.

Когда колодец увидел в своем тусклом зеркале загорелое лицо Засухи, на дне его послышался жалобный всплеск.

— Желала бы я знать, когда же тебе придет конец! — сказала Засуха. — Ведь под землей не

осталось ни одного ручейка, который мог бы просочиться и дать тебе новую жизнь. А дождя, слава Богу, жди не раньше чем через два-три месяца.

— Можешь быть спокойна, — тяжело вздохнул колодец. — Мне уже никто не поможет. Разве что райский ключ забьет вдруг со дна моего.

— Ну, так я не оставляю тебя, пока все не будет кончено, — сказала Засуха.

Она видела, что старому колодцу осталось недолго жить, и хотела насладиться тем, как жизнь будет покидать его капля за каплей.

Она уселась поудобней на сруб и с радостью стала прислушиваться к горестным вздохам колодца в глубине. Большое удовольствие испытывала она, видя, как жаждущие странники подходят к колодцу, опускают в него свои ведра и вытаскивают со дна лишь несколько капель смешанной с тиной воды.

Так прошел весь день, и, когда стало смеркаться, Засуха снова заглянула в колодец. Внизу еще блестело немножко воды.

— Я здесь останусь на всю ночь! — крикнула она. — Можешь не торопиться! Когда совсем рассветет и я смогу снова заглянуть в тебя, на дне уже не будет ни капли.

Засуха прикорнула на крыше колодца.

А на Иудею тем временем сошла душная ночь, еще более жестокая и мучительная, чем знойный день. Собаки и шакалы выли, не переставая, им вторили томимые жаждой ослы и коровы. Редкие порывы ветра не приносили прохлады, сам ветер был горяч и удушлив, как жаркое дыхание огромного спящего чудовища.

Но звезды сверкали волшебю, как никогда, и

В ноябре прошедшего года исполнилось 150 лет со дня рождения известной шведской писательницы Сельмы Лагерлёф, первой женщины, получившей Нобелевскую премию по литературе и широко известной по детской книге «Путешествие Нильса с дикими гусями». Однако, мало кто знает, что перу этой писательницы принадлежат многочисленные легенды о Христе, необыкновенно популярные среди русских читателей начала XX века. Эти сказки и легенды были написаны Сельмой Лагерлеф после ее возвращения из путешествия по древней иудейской земле, где она прикоснулась к вечным христианским святыням. Они навеяны вдохновенными новозаветными притчами, церковными преданиями и житиями святых и стремятся пробудить в душах читателей любовь к Богу, доброту и милосердие к ближним, научить видеть и понимать красоту Божьего мира и человеческой души. Предлагаемая нами сказка будет интересна не только детям, но и взрослым читателям «Александрo-Невского вестника».

маленький, блестящий серп молодого месяца заливал серые холмы чудным, зеленовато-голубым светом. И в этом сиянии Засуха увидела длинный караван, приближавшийся к холму, где находился Колодец Мудрецов.

Засуха смотрела на караван и с наслаждением представляла, сколько томимых жаждой людей приближается к колодцу. И не найдут они здесь ни одной капли воды, чтобы напиться. Караван был столь велик, что вполне мог бы вычерпать все содержимое колодца, если б даже он был доверху полон воды. Но вдруг Засухе показалось, что в этом караване, путешествующем в ночи, есть что-то необычное, таинственное. Все верблюды появились перед ней на вершине холма, отвесно вздымавшегося над горизонтом, как-то внезапно, точно спустились с неба. Они казались крупней обыкновенных верблюдов и слишком уж легко несли свой большой груз.

В то же время не было сомнения в том, что и верблюды, и люди были настоящие, живые: ведь она видела их совершенно ясно. Засуха могла даже разглядеть, что трое передних верблюдов были дромадеры (одногорбый одомашненный верблюд) с серой, лоснящейся шерстью. На них была богатая упряжь, они были покрыты дорогими коврами, и всадниками их были красивые и знатные вельможи.

Весь караван остановился у колодца; дромадеры с резкими криками опустили на землю, и всадники сошли с них. Вьючные верблюды остались стоять, к ним подходили остальные, и скоро они образовали бесконечную вереницу высоких шей и горбов и причудливо нагроможденных вьюков.

Три всадника, ехавшие на дромадерах, подошли к Засухе и приветствовали ее, приложив руку ко лбу и к сердцу. Она увидела, что на них были ослепительно белые одеяния, а их огромные белоснежные чалмы венчали звезды, сиявшие таким ярким блеском, точно их сняли прямо с неба.

— Мы прибыли из дальней страны, — сказал один из чужеземцев, — и хотим спросить у тебя, действительно ли это Колодец Мудрецов?

— Так он назывался еще сегодня, — ответила Засуха, — но завтра здесь больше не будет колодца. Он должен умереть в эту ночь.

— Об этом можно догадаться, увидев тебя здесь, — сказал чужеземец. — Но разве это не один из тех священных колодцев, которые никогда не могут иссякнуть? Иначе зачем бы ему носить это имя?

— Я знаю, он священен, — сказала Засуха, — но что из того? Ведь все три мудреца, давшие ему это название, давно в раю.

Путешественники переглянулись.

— Ты действительно знаешь историю этого древнего колодца? — спросили они.

— Я знаю историю всех колодцев и источников, всех ручьев и родников на свете, — гордо ответила Засуха.

— Так окажи нам милость, расскажи нам о свяственном Колодце Мудрецов! — попросили чужеземцы.

И они уселись кружком возле Засухи, стародавнего врага всего живущего на земле, и стали слушать.

Засуха откашлялась, поудобнее устроилась на своем высоком сиденье и приступила к повествованию.

— В Габесе, мидийском городе, лежащем у самой пустыни и поэтому часто служившем мне желанным приютом, жили много много лет тому назад три человека, славившиеся своей мудростью. В то же время они были очень бедны — странное, казалось бы, обстоятельство, ибо в Габесе знание было в большом почете и щедро оплачивалось. Но эти люди и не могли ожидать ничего иного, ибо один из них был очень стар, другой поражен проказой, третий же был черный толстогубый негр. Первого люди считали выжившим из ума стариком, второго избегали из боязни заразиться; речам же третьего они не хотели внимать, потому что были уверены, что никогда еще мудрость не являлась к ним из Эфиопии.

Между тем общее несчастье объединило трех мудрецов. Днем они просили милостыню у одних

и тех же ворот храма, ночью спали на одной и той же кровле. Таким образом они и коротали время, рассказывая друг другу обо всем чудесном, что им приходилось видеть в своей жизни.

Однажды ночью, когда они спали рядышком на крыше, густо заросшей красным, душистым маком, самый старшй из них проснулся и, едва открыв глаза, принялся будить своих товарищей. «Хвала нашей бедности, принуждающей нас спать на открытом воздухе! — сказал он им. — Проснитесь и поднимите взоры к небу!» Что и говорить, — продолжала Засуха, смягчив немного голос. — Это была такая ночь, что забыть ее никому не возможно. Было так светло, что небо, похожее обычно на твердый свод, казалось глубоким и прозрачным, как море. Свет вздымался в нем приливами и отливами, а звезды, казалось, плавали на различной глубине, одни в самых волнах света, другие на их поверхности.

Но вдруг из самой глубины неба показалось какое то темное пятно. И это пятно стало стремительно приближаться. Приближаясь, оно светлело, но светлело так, как светлеют розы — да повелит им всем Господь Бог увянуть! — когда они распускаются. Пятно делалось все крупнее, темная оболочка его постепенно расходилась, и ярко засветились ее первые четыре лепестка.

Наконец, поравнявшись с самой близкой из звезд, это пятно, светящееся изнутри, остановилось. Краешки темной оболочки совсем отогнулись в стороны, и из середины стали разворачиваться один за другим лепестки дивно лучезарного, розоватого светила, перед которым побледнели все звезды небосклона.

Когда бедняки увидели это, их мудрость подсказала им, что в этот час родился на земле царь, который превзойдет своим могуществом и славой царя Кира и Александра Македонского. И они сказали друг другу: «Пойдем к родителям новорожденного и скажем им, что мы видели! Может статься, что мы получим от них в награду кошелек с червонцами или золотое запястье».

Мудрецы взяли свои длинные дорожные посохи и отправились в путь. Они прошли через город и вышли к городским воротам, но тут остановились в нерешительности, ибо перед ними расстилалась великая — сухая и восхитительная — пустыня, которой люди так страшатся. И тогда они увидели, что новая звезда отбросила на песок пустыни узкую полосу света, как бы манившую их за собой, и, исполнившись надежды, они двинулись вперед за путеводной звездой.

Всю ночь шли они по бесконечной пустыне,

беседуя о новорожденном царе, которого, конечно, найдут в золотой колыбели играющим драгоценными камнями. И ночь пролетела незаметно в беседах о том, как предстанут они пред царем, отцом новорожденного, и пред его матерью царицей и как поведают им о небесном знамении, предрекающем их сыну силу и могущество, красоту и счастье, какими не обладал царь Соломон...

Они гордились тем, что Бог избрал именно их и им дал увидеть рождественскую звезду. Они говорили себе, что родители новорожденного должны дать им в награду по меньшей мере двадцать кошельков с золотом, а может быть, и столько, что им никогда уже больше не придется знать нужду и лишения... Я, как лев, подстерегающий добычу, лежала в пустыне, — пояснила свой рассказ Засуха, — и собиралась обрушиться на этих путников всеми пытками жажды, но они ускользнули от меня. Звезда вела их всю ночь; утром же, когда небо посветлело и все другие звезды померкли, она настойчиво продолжала гореть и сиять над пустыней, пока не привела путников к оазису, где они нашли родник и деревья со спелыми плодами. Там они отдыхали весь день и двинулись далее лишь к ночи, когда снова увидели свет звезды, озаряющий собой пески пустыни.

Звезда не только вела, но и охраняла мудрецов от голода и жажды. Ни колючие кустарники, ни глубокие зыбучие пески, ни жгучее солнце, ни знойные пустынные бури не причиняли путникам вреда. И мудрецы понимали это. «Бог хранит нас и благословляет наше странствие. Мы его послы», — говорили они. Но и я не теряла времени зря, — усмехалась Засуха, — мало помалу я все же прибрала их к рукам и завладела их сердцами. И они превратились в такую же мертвую пустыню, как та, по которой они шли. Они преисполнились бесплодной гордостью и опустошающей алчностью.

«Мы Божьи послы, — все чаще твердили мудрецы, — и если отец новорожденного подарит нам целый караван, груженный золотом, это, пожалуй, будет нелишним».

Наконец звезда привела их к реке Иордану и заставила подняться на холмы Иудейской страны. И однажды ночью она остановилась перед городком Вифлеемом, огни которого сверкали среди оливковых деревьев на одном из горных склонов.

Мудрецы стали озираться и искать, где же здесь дворцы, укрепленные башни, каменные стены и все, чему подобает быть в царской столице, но ничего такого не увидели. Хуже того: сияние звезды привело их вовсе не в город, оно остановилось на краю дороги, перед какой то жалкой пещерой.

Кроткий свет звезды озарил ее, и три странника увидели младенца, которого мать баюкала у себя на коленях.

Но хотя мудрецы ясно видели, как сияние звезды словно венцом окружило головку младенца, они остались стоять перед входом в пещеру. Они не вошли в нее, чтобы предсказать малютке славу и царскую власть, а повернули назад, ничем не выдав своего присутствия, и спустились вниз с холма.

«Неужели мы шли к нищим, столь же ничтожным и бедным, как мы сами? — говорили они. — Разве для того вел нас сюда Господь Бог, чтобы мы предрекли сыну пастуха величие и славу? Этот ребенок всю свою жизнь будет пасти свое овчье стадо. Вот какой будет его судьба».

Засуха умолкла и покачала головой.

Всем своим видом она как бы хотела сказать: «Не правда ли, на свете нет ничего бесплоднее, чем человеческое сердце!»

— Мудрецы недалеко ушли от того места, — продолжила Засуха свой рассказ, — когда им пришло в голову, что, возможно, они заблудились, сбились с пути, указанного им звездой. Они подняли глаза, чтобы снова найти по звезде истинный путь. Но оказалось, что звезда, за которой они следовали с востока, исчезла с небесного свода.

Трое чужеземцев вздрогнули при этих словах, их лица выражали глубокое страдание.

— И тут случилось нечто, — продолжала рассказчица, — по мнению людей, в высшей мере радостное. Когда мудрецы увидели, что на небе нет больше звезды, они тотчас же поняли, что согрешили пред Богом. И с ними сделалось то же, что делается с землей в осеннюю пору, когда начинаются сильные дожди. Они задрожали от ужаса, как земля содрогается от ударов молнии и раскатов грома, сердца их смягчились, смирение пробилось в их сердца, как пробивается весной зеленая травка.

Три дня и три ночи бродили они по стране, чтобы отыскать младенца, которому должны были поклониться. Но звезда не показывалась им; они все больше и больше сбивались с пути, и все сильнее охватывали их величайшая скорбь и отчаяние. На третью ночь они подошли к этому вот колодцу,

чтобы утолить жажду. И тогда Бог сжался над ними и простил им их грех. Наклонившись над водой, они увидели глубоко внизу отражение звезды, приведшей их с востока.

Тотчас же увидели они ее и на небе, и звезда снова привела их к Вифлеемской пещере. Там они преклонили колени пред младенцем и сказали: «Мы приносим тебе золотые чаши, полные ладана и драгоценных благовоний. Ты будешь величайшим из царей, когда либо правивших на земле от самого ее сотворения и до кончины мира».

Младенец положил свою ручку на их склоненные головы, и, когда они поднялись, оказалось, что он наделил их дарами, какими самый могущественный царь не мог бы одарить своих подданных. Ибо нищий старик обратился в цветущего юношу, прокаженный очистился, а негр стал прекрасным белолицым мужчиной. И говорят, что по возвращении на родину они сделались царями, каждый в своей стране.

Засуха кончила свое повествование, и три чужеземца похвалили ее рассказ.

— Ты хорошо все рассказала, — говорили они.

— Но не странно, — сказал один из чужеземцев, — что эти три мудреца ничего не сделали для колодца, показавшего им звезду? Неужели они совершенно забыли о таком благодеянии?

— Не должен ли этот колодец, — поддержал его другой чужеземец, — по-

стоянно оставаться на своем месте для напоминания людям о том, что счастье, утраченное на вершинах горы, можно вновь обрести в глубинах смирения?

— Неужели умершие хуже живущих? — сказал третий из них. — Разве благодарность умирает в сердцах тех, кто обитает в раю?

Когда они произнесли это, Засуха с воплем соскочила с колодца. Она узнала чужеземцев; она поняла, кто эти путешественники, и, как безумная, бросилась прочь, чтобы не видеть, как три мудреца подозвали своих слуг и подвели к колодцу своих верблюдов, нагруженных мехами, и бедный, умирающий колодец наполнили водой, привезенной ими из рая...

Протоиерей Михаил Чевалков

Памятное завещание

Автобиография миссионера Алтайской духовной миссии

Продолжение. Начало № 9-12, 2008 год.

Когда у нас истощился весь запас, то мы с женой отправились на лошадях в Кебезень, изготовивши запасов, отправились опять к озеру. По пути в юрту Тадужека, жившего на берегу озера, заехали к нему. В юрте сидел один старик с седой трясущейся головой. «Дед! Сколько тебе лет?» — спросил я. Старик сказал мне: «97 лет». Я спросил: «Сколько же еще ты проживешь?» Старец сказал: «Сын мой! Долго ли уж мне теперь жить! Может быть, сегодня умру, а если не сегодня, то завтра. Разве ты не видишь меня? Я сижу на самом краю могильной ямы, сижу и каждый день жду смерти». Я сказал: «Ты ожидаешь смерти, а после смерти где будешь жить? Расскажи мне, почтенный старец». Старик сказал: «Откуда мне знать, сын мой? Мы выросли как полевые звери: вот вам-то лучше знать; ведь вы читаете Божьи книги и беседуете с Богом». Я ответил ему: «Пожалуй, я расскажу тебе из Божьей книги: поверишь ли ты?» Старик сказал: «Чему же больше верить, как не Божьему слову?» И я сказал: «Един Бог — Иисус Христос, который создал небо и землю, и птиц летающих, и зверей бегающих, и все дышащее, и всех людей. Кроме Него, никакого Бога нет, кто в него не верует, тот не может войти в Его блистающий свет, исполненный блаженства, ибо Бог есть величайший свет, величайшее благо. Свет Его никогда не меркнет, блаженство Его никогда не оскудеет, но существует всегда, вечно и превечно. Те люди, которые в Него не веруют, не могут жить в Его блаженном свете». Тогда старик сказал: «И мы тоже веруем в Бога, а также и в Азу». Я сказал: «В какого же Бога вы веруете, как имя его — скажи мне». Старик сказал мне: «Мы поклоняемся и жертвы приносим Алтай-хану, Небу-хану, а также приносим хлебные жертвы высоким горам и рекам, которые кормят нас, как матери». Я спросил: «Кто же из них больше всех?» Старик ответил: «Больше всех — отец всех — Богатый Уль-гень, а за ним — Эрлик». Я сказал: «Итак, ваша душа которому из них достанется?» Старик ответил: «Мы пойдем к общему отцу, прадеду Эрлику». Я сказал: «А прочие так ни с чем и останутся?»

Старик рассмеялся и сказал: «Весь этот народ произошел от праотца Эрлика; конечно, к нему и пойдут ибо от него произошли все люди; мы — потомство его, где он будет, там и мы». Я сказал: «Эрлик — не Бог, и Ульгень — не Бог; Един Бог, создавший все видимое и невидимое есть Иисус Христос, а все прочие — не боги. Вы поклоняетесь горам и водам — они не боги, но творение Истинного Бога. Поэтому вам вместо того, чтобы поклоняться твари, следует поклоняться Господу Богу Иисусу Христу, создавшему эти горы и воды, и за все Его благословлять».

Старик сказал: «Как же Ему надобно молиться? Так объясни нам». Я ответил: «Боже мой, Иисусе Христе, ты создал всякую реку, все высоты гор. Ты создал и небо, и землю, и все, что в них, будь Ты благословен! — Так надобно молиться!» Старик молчал, а я еще сказал: «Если кто-нибудь устроил человеку дом, полный всяких сокровищ, то получивший его кого бы за это стал благодарить — стал ли бы он дом благодарить или того, кто дал этот дом?» Старик ответил: «Конечно, не дом же будет благодарить, а того, кто дал этот дом». Я сказал: «Почему же вы приносите благодарение небу, и земле, и всему, что на них есть, а не благодарите Бога, который создал их?»

Старик ответил: «Мы подобны зверям, которые живут и растут в поле: что мы знаем? Вот вы это знаете, которые держите в руках Божии книги, с Богом беседуете». Я сказал: «Ты крестись — и будешь, как чадо Божие: Бог даст тебе блаженный свет». Он сказал: «Если хочешь ты крестить меня, то скажи мне, что значит крещение». И, сказавши это, прибавил: «Я думаю, что если и не крещусь, но по твоему наставлению буду молиться Христу Богу, то буду угоден Богу». Я ответил «Сам Бог сказал: кто не родится снова от воды и Духа, тот не войдет в свет Божий, в Царство Небесное».

Старик ответил: «Как же это от воды родиться? Скажи мне, сын мой». Я ответил: «Истинный Бог Иисус Христос за грехи всех народов сошел с небес на землю и во чреве Святой Девы принял на себя тело человеческое, был

распят на кресте, умер, в третий день воскрес из мертвых и потом, поживши на земле 40 дней, взошел на небеса: поэтому, когда человек в образ тридневной смерти и погребения троекратно погружается в воду во имя Божье, то он снова рождается от воды и Святого Духа; таким образом, возродившая душа человека сияет Божьим светом, уподобляясь Богу, ибо сей крестившийся человек облачается во Христа; поэтому он делается подобным Сыну Божьему».

Старик сказал: «За какую же вину некрещенные люди не войдут в свет Божий?» Тогда я рассказал ему все, начиная от Адама, о их грехопадении, о рождении Иисуса Христа, о том, как Он страдал, как по воскресении в третий день в сороковой день взошел на небеса, как опять придет на землю в последний век судить живых и мертвых. Старик, все это выслушавши со вниманием, сказал: «Сегодня или завтра я умру, сын мой; здесь без священника кто меня окрестит?» Я ответил: «С попутным человеком я пошлю священнику письмо, а ты пока здесь учи молитвы». Старик сказал: «Ты дай мне свой крест, который будет для меня Божьим знаменем». Я возложил на него свой крест и несколько поучил его молиться Богу.

Отправившись оттуда, я прибыл в свой стан на озеро. Когда я добывал там рыбу, из Кебезенья отец Стефан прислал за мной человека звать к себе. Когда я приехал, он сказал: «Когда я хотел крестить этого старика, которого ты приготавливал к крещению, то он мне сказал: «Я дотеле не крещусь, пока не придет тот, кто дал мне крест»; поэтому ты я послал за тобой». Тогда я спросил у старика: «Почему ты от этого священника не крестишься?» Старик ответил: «Этого священника я прежде не видывал и удержался креститься, думая, не хочет ли меня крестить какой-нибудь ложный священник».

Я сказал: «Это наш Улалинский священник отец Стефан». Он сказал: «Ну, крестите». И отец Стефан окрестил его, назвав его Петром.

В один день, когда я в своем стане сидел и пил чай, пришли два человека. Я испек им рыбы и дал. Они стали разговаривать со мной. Я спросил: «Вы откуда едете?» — «Отсюда мы поедем в Чольшман», — отвечали они. «Какая у вас нужда в Чольшмане, что вы так торопитесь, оставивши добычу орехов?» — спросил я. Один из них ответил: «В прошедшую зиму у меня умер отец, а у этого товарища умерла жена — для этого мы и плывем в Чольшман: там есть кам Ниас; хотим привезти его, чтобы он очистил нечистоту наших юрт». Я спросил: «Какая же это нечистота в ваших юртах?» Они ответили: «У нашего народа есть верование, что когда умрет кто-нибудь, то в той юрте, где он умер, остается нечистота — его «алдачи» — «ангел смерти», и он, говорят, возьмет еще душу, если его не изгонят при помощи сильного кама, и он, говорят, унесет и всех остальных людей».

Я сказал: «Разве среди тиргешцев не нашлось кама, который бы мог его выгнать?» Они ответили: «Во всей этой черни нет кама, который был бы так же силен, как чольшманский кам Ниас».

Тогда я начал им говорить. «Бог Иисус Христос, который мог создать небо и землю, Он один может очистить человека от скверны и изгнать из него беса; кроме же Его никакой кам человека очистить не может». Они сказали:

«Да ведь наши камы, когда изгоняют бесов, тоже

призывают Бога». Я сказал: «Какого Бога призывают ваши камы?» Один из них сказал: «Отца всех Богатого Ульгения, а также призывают хозяина Земли и Воды». Я сказал: «И землю, и воды, и все видимое и невидимое, все живущее, все, что на этом свете есть, создал истинный Господь Бог в шесть дней и после всего сотворил отца всех народов Адама. Кроме Него никакого другого Бога нет. Тот, в кого вы веруете, именуя его богом, — не Бог. Бог не земля, не небо, не месяц и солнце, не гора высокая, не воды морские или что-либо такое, подобное этому Истинный Бог — Иисус Христос. Он всегда был, всегда есть и всегда будет».

При этом один из них сказал: «Расскажите об Адаме, которого вы назвали отцом всех людей. Я вам сегодня ночью поневожу рыбы» Я ответил: «Если я поленюсь говорить Слово Божие тому, кто вопрошает о том, то мне будет грех, ибо Бог сказал: грядущего ко мне не изгоню вон. Поэтому если я поленюсь говорить Слово Божие желающему слушать его, то будет мне грех, а если кто, выслушавши слово, не поверит ему, то ему грех». Он ответил: «Почему не верить тому, что говорит человек из Божией книги?»

После этого я рассказал ему все, начиная от Адама и до Рождества Христова, а затем о последнем веке и о воскресении мертвых и Страшном Суде.

Наутро Тибан (так звали юношу) сказал: «Через два дня я приведу сюда своих домашних; вы побеседуйте с ними о Боге».

Тибан не поехал к чольшманскому каму, а отправился к своим домашним. Через три дня на четвертый он приехал ко мне, взявши с собой мать, сестру и младшего брата.

Как только они приехали, я им испек рыбы, а сам говорил с ними из Божьего Писания, и они с удовольствием слушали эту беседу мою. Наутро Тибан сказал: «Сегодня помочь у зайсана Орожока, мы пойдем к нему, как бы меня после люди не побили за то, что я хочу креститься; вы после придите посмотреть меня». Сказавши это, Тибан с домашними отправился к зайсану на помочь.

Солнце закатилось за гору. От зайсана Орожока на лодке прибыли ко мне два человека и сказали: «Вас зовет к себе зайсан». Я вместе с женой отправился к зайсану. Зайсан, заметивший приход наш, взял нас за руки и посадил на войлок (ширдек), где сам сидел. Взял мех с вином, поставил его перед нами, говоря: «Вот мое приобретение». По обычаю я, принявши это в руки, сказал: «Принял, выпил, угощайте этим других». Зайсан, позвавши одного молодца, сказал: «Угощай этим». Молодец начал наливать нам из меха и подавать. Мы с зайсаном пили, а жена моя не пила. Посидевши несколько времени, начали шуметь. А потом, смотрю, они хотят бить того Тибана за то, что он хочет креститься. Тибан взглянул на меня, сказал: «Ради Бога на небе и царя на земле я хочу креститься, они меня за это хотят бить; ради Бога, вступитесь за меня». Тогда я сказал: «Вы его не троньте; если вы побьете его, я подам бумагу в суд». Зайсан сказал: «Добром говорите, и не троньте его». После этого некоторые из них начали Тибана обнимать и целовать, а другие просто сели. В это время Тибан вышел и отправился домой. Я подождал, так как он не возвращался, то и сам также отправился в стан. Приезжаю, а Тибан сидит здесь, в стане.

Продолжение следует

Борис Пастернак

Рождественская звезда

Стояла зима.
Дул ветер из степи.
И холодно было младенцу в вертепе
На склоне холма.

Его согревало дыханье вола.
Домашние звери
Стояли в пещере,
Над яслями теплая дымка пыла.

Доху отряхнув от постельной грухи
И зернышек проса,
Смотрели с утеса
Спросонья в полночную даль пастухи.

Вдали было поле в снегу и погост,
Ограды, надгробья,
Оглобля в сугробе,
И небо над кладбищем, полное звезд.

А рядом, неведомая перед тем,
Застенчивей плошки
В оконце сторожки
Мерцала звезда по пути в Вифлеем.

Она пламенела, как стог, в стороне
От неба и Бога,
Как отблеск поджога,
Как хутор в огне и пожар на гумне.

Она возвышалась горящей скирдой
Соломы и сена
Средь целой вселенной,
Встревоженной этою новой звездой.

Растущее зарево рдело над ней
И значило что-то,
И три звездочета
Спешили на зов небывалых огней.

За ними везли на верблюдах дары.
И ослики в сбруе, один малорослей
Другого, шажками спускались с горы.

И странным виденьем грядущей поры
Вставало вдали все пришедшее после.
Все мысли веков, все мечты, все миры,
Все будущее галерей и музеев,
Все шалости фей, все дела чародеев,
Все елки на свете, все сны детворы.

Весь трепет затепленных свечек, все цепи,
Все великолепье цветной мишуры...
...Все злей и свирепей дул ветер из степи...
...Все яблоки, все золотые шары.

Часть пруда скрывали верхушки ольхи,
Но часть было видно отлично отсюда
Сквозь гнезда грачей и деревьев верхи.
Как шли вдоль запруды ослы и верблюды,
Могли хорошо разглядеть пастухи.
- Пойдемте со всеми, поклонимся чуду, -
Сказали они, запахнув кожану.

От шарканья по снегу сделалось жарко.
По яркой поляне листьями слюды
Вели за хибарку босые следы.
На эти следы, как на пламя огарка,
Ворчали овчарки при свете звезды.

Морозная ночь походила на сказку,
И кто-то с навьюженной снежной гряды
Все время незримо входил в их ряды.
Собаки брели, озираясь с опаской,
И жались к подпаску, и ждали беды.

По той же дороге, чрез эту же местность
Шло несколько ангелов в гуще толпы.
Незримыми делала их бестелесность,
Но шаг оставлял отпечаток стопы.

У камня топилась орава народу.
Светало. Означились кедров стволы.
- А кто вы такие? — спросила Мария.
- Мы племя пастушье и неба послы,
Пришли вознести вам обоим хвалы.
- Всем вместе нельзя. Подождите у входа.

Средь серой, как пепел, предутренней мглы
Топтались погонщики и овцеводы,
Ругались со всадниками пешеходы,
У выдолбленной водопойной колоды
Ревели верблюды, лягались ослы.

Светало. Рассвет, как пылинки золы,
Последние звезды сметал с небосвода.
И только волхвов из несметного сброда
Впустила Мария в отверстие скалы.

Он спал, весь сняющий, в яслях из дуба,
Как месяца луч в углубленье дупла.
Ему заменяли овчиную шубу
Ослиные губы и ноздри вола.

Стояли в тени, словно в сумраке хлева,
Шептались, едва подбирая слова.
Вдруг кто-то в потемках, немного налево
От яслей рукой отодвинул волхва,
И тот оглянулся: с порога на деву
Как гостья, смотрела звезда Рождества.

1947

Духовно-просветительская газета

Зарегистрирована Западно-Сибирским управлением Госкомпечати. Регистрационное свидетельство № Г-1453.
Учредитель: Александрo-Невский собор города Барнаула, настоятель протоиерей Александр Войтович.

Редактор: протоиерей Сергей Фисун. Верстка: Наталья Мutowкина

Адрес редакции и издателя: 656054, г. Барнаул, ул. А.Петрова, 221. Тел. 40-28-81.

E-mail: vestnik@ab.ru Подписной индекс 73652. Тираж 1500 экз. Сдано в печать 29.12.08. Выход по графику 31.12.08

Отпечатано в типографии "ПринтЭкспресс", г. Барнаул, ул. Кирова, 47. Цена свободная.